

Мария Давыдова

Джакомо Мейербер. Его жизнь и музыкальная деятельность

Жизнь замечательных людей

Мария Давыдова

**Джакомо Мейербер. Его жизнь
и музыкальная деятельность**

«Public Domain»

Давыдова М. А.

Джакомо Мейербер. Его жизнь и музыкальная деятельность /
М. А. Давыдова — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство и воспитание	6
Глава II. Юношеские произведения	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Августовна Давыдова Джакомо Мейербер. Его жизнь и музыкальная деятельность

*Биографический очерк М. А. Давыдовой
С портретом Мейербера*

Глава I. Детство и воспитание

Семья. – Мать, отец, братья. – Первые проблески музыкальности. – Воспитание. – Первые учителя. – Первый концерт. – Неудачная fuga. – Школа аббата Фоглера.

Немногим выдающимся людям выпадает на долю счастливая судьба родиться и развиваться при таких благоприятных условиях, какими была обставлена жизнь Мейербера. В то время как многие гении в поте лица добывали свой хлеб, Мейербер, так же, как Мендельсон, жил в роскоши и холе, на его воспитание тратились целые капиталы, и он мог свободно предаваться влечению своего творчества, не зная забот о насущном хлебе, забот, под гнетом которых заглохло не одно дарование. С другой стороны, и богатство не раз являлось раззолоченным тормозом развития таланта, но Мейербер был во всех отношениях поставлен в условия, лучше которых нельзя было и желать. Семья его обладала громадными средствами и принадлежала к числу лучших и богатейших домов Берлина.

Родители его отличались высоким разносторонним образованием, просвещенными, гуманными взглядами и необыкновенной любовью к искусствам. Отец Мейербера был страстный любитель музыки, постоянный посетитель концертов, и в его гостеприимном доме собирався цвет берлинского общества в лице лучших представителей наук и искусств.

Мать Мейербера была замечательной женщиной. Ее нравственный облик напоминает нам величавые образы классических женщин. Она представляет собой один из редких и драгоценных типов – матери великого человека, какою была Корнелия, мать Гракхов, мать Гете и многие другие. Все эти женщины имели громадное влияние на развитие своих гениальных сыновей, которые платили им чувством безграничного доверия и обожания. Мейербер никогда ничего не предпринимал, не посоветовавшись с матерью, не имея ее согласия; ни расстояние, ни время, ни возраст не могли изменить в нем этой привычки, которую он сохранил до тех пор, пока сама смерть не отняла у него этого лучшего друга. Во время первого представления «Роберта-Дьявола» Мейербер получил записку от матери с надписью: «Прочсть после представления». Придя домой, он тотчас же открыл конверт, заключающий дорогое для него письмо, и прочел: «Спаси и благослови тебя Бог!.. Да сияет лик Его над тобой!.. Да хранит Он тебя и да дарует тебе мир!..» Внизу подпись матери.

С этим письмом Мейербер никогда не расставался, но, как драгоценный талисман, носил его всегда с собой. Отличаясь красивой внешностью, блестящим, глубоким умом, мать Мейербера обладала еще многими драгоценными качествами души и, по отзыву знавших ее лично, была добрым гением дома. Ее доброта и щедрость были всем известны, и многие знакомые направляли к ней бедняков, которые никогда не уходили от нее с пустыми руками. Вот что пишет о ней Гейне: «Не проходит дня без того, чтобы она не помогла какому-нибудь бедному; да, кажется, как будто она не может спокойно лечь спать, не сотворив предварительно какого-либо доброго деяния. Притом она расточает свои дары всем без различия вероисповедания – евреям, христианам, туркам и даже неверующим самого подлого вида. Она неутомима в добрых делах и, по-видимому, рассматривает их как высшее назначение своей жизни».

Семейство Мейерберов принадлежало к иудейскому вероисповеданию, фамилия их, собственно, была просто Бер, но впоследствии они прибавили к ней фамилию Мейера, своего родственника, который только с этим условием завещал им свое большое состояние. Отец Мейербера, Якоб Герц Бер, был банкиром и владельцем большого сахарного завода. Его жена, Амалия, была дочерью берлинского Креза – Липмана Мейера Вульфа, и таким образом в их дом стеклись состояния трех семейств. Старший сын их, Якоб, переделал свое имя в итальянское Джакомо и как Джакомо Мейербер приобрел себе всемирную известность. Следующий сын, Генрих, был единственным в семье, не чувствовавшим призвания ни к наукам, ни к искусствам, тогда как третий сын, Вильгельм, являлся в свое время выдающимся астро-

номом, построил в своем доме, в Тиргартене, частную обсерваторию, в которой производил постоянные наблюдения вместе со своим другом Медлером, и напечатал много прекрасных трудов по своей специальности. Последний брат Мейербера, Михаил, обладал крупным поэтическим дарованием, которое привело бы его к славе, если бы нервная горячка преждевременно не свела его в могилу. Это был молодой человек с симпатичным нравом, с умом, жаждавшим познаний, с душой, открытой для всего прекрасного. Он написал две прекрасные поэмы, «Парий» и «Струэнзе»; на последнюю Джакомо Мейербер впоследствии сочинил музыку.

Старший сын, Джакомо Мейербер, родился в 1791 году и с самого раннего возраста стал обнаруживать задатки своей необыкновенной музыкальности. К своим детским играм он любил примешивать музыку, если же где-нибудь раздавались звуки шарманки, то он весь обращался в слух и потом подбирал весь мотив на фортепиано, сопровождая его сочиненным им совершенно верным аккомпанементом, полным прелести и грации. Четырех лет от роду он устроил из своих товарищей нечто вроде оркестра, которым сам управлял и для которого писал какие-то сочинения. Такие несомненные проявления музыкального таланта не могли не обратить на себя внимания родителей Мейербера; они решили посвятить сына музыке и, когда ему минуло пять лет, пригласили к нему известного, очень любимого в свое время учителя и исполнителя Франца Лауска. Под руководством этого опытного преподавателя он делал такие громадные успехи, что возбуждал удивление всех, кому приходилось его слышать. Через два года, то есть когда ему минуло всего семь лет, он был уже законченным виртуозом и, как в свое время Моцарт, сделался чудо-ребенком. Девяти лет (14 октября 1800 года) он первый раз выступил публично, исполнив один из концертов (d-moll) Моцарта и вариации своего учителя, Лауска, с блестящим успехом. За первым выступлением в скором времени последовали другие, возбуждившие восторг не только публики, но и печати, которая сразу отвела маленькому пианисту место в рядах лучших артистов его времени. После Лауска учителем Мейербера сделался знаменитый в свое время Муций Клементи. Аббат Фоглер, органист и теоретик, славившийся своею превосходной музыкальной школой в Дармштадте, по приезде своем в Берлин слышал маленького Мейербера и, подвергнув его предварительно самому строгому музыкальному испытанию, предсказал ему блестящую будущность. «Если вы не перестанете работать, – сказал он мальчику, – то со временем вы будете одним из самых знаменитых людей Европы». Между прочим он посоветовал взять ему в учителя теории Ансельма Вебера, бывшего ученика его школы, так как прежний его учитель, Карл Фридрих Цельтер, друг Гете, несмотря на обширные знания по специальности, своим сухим преподаванием отнимал у мальчика охоту заниматься. К сожалению, выбор второго учителя не был особенно удачным: хотя преподавание его оказалось не настолько сухим, но познания были довольно ограничены, и под его руководством Мейербер не мог научиться многому.

Творчество Мейербера стало проявляться с самого раннего возраста: десяти лет, еще не будучи знаком с правилами композиции, он написал кантату ко дню рождения своего отца, а к двенадцати годам у него накопилось порядочное количество всевозможных сочинений. Родители Мейербера, заботясь о его музыкальном развитии, прилагали не менее стараний к равномерному развитию других его способностей и дали ему самое тщательное, основательное образование. Под руководством лучших учителей Берлина Мейербер проходил самый разнообразный систематический курс общеобразовательных наук и, обладая любознательным, пытливым умом, посредством чтения классических и других серьезных авторов расширял постоянно свой умственный кругозор. Он знал греческий, латинский, еврейский языки, в совершенстве владел французским и итальянским, что дало ему возможность изучать всех авторов на их родном языке; он неутомимо читал, изучал историю и литературу всех народов и поражал знавших его своими обширными, разносторонними познаниями.

Занятия музыкой шли своим чередом под руководством Ансельма Вебера, который был в восторге от успехов своего гениального ученика. К сожалению, сам учитель, как уже было

сказано выше, не обладал достаточными знаниями в области теории и не мог ознакомить своего ученика со всеми трудными правилами контрапункта и фуги. Конечно, Вебер не признавал своей несостоятельности в этом отношении, но следующий случай, который нам передает Фетис, открыл ему истину и вместе с тем решил судьбу Мейербера. Однажды Джакомо принес своему учителю фугу, от которой Вебер пришел в необычайный восторг: она казалась ему своего рода совершенством; желая блеснуть ею как результатом своего преподавания, он поспешил отправить ее аббату Фоглеру. Ожидая ответа, Вебер предвкушал всю сладость своего торжества; но ответ не приходил.

«Фоглер не отвечает из зависти, – говорил с ликованием Вебер. – Ни один из его учеников не напишет такой фуги; его гордость страдает, он сердит на нас».

Бедный Вебер напрасно заранее радовался. Месяца через два из Дармштадта пришел целый большой пакет, но каково было разочарование Вебера, когда он нашел в нем не восторженное письмо, которого ожидал, а объемистую рукопись, рукопись самого Фоглера – целое сочинение о том, как должно писать фуги. Это сочинение состояло из трех частей: первая заключала в себе все главные правила фуги; во второй разбиралась фуга Мейербера и приводились неопровержимые доказательства ее негодности; третья часть состояла из фуги Фоглера, написанной на тему Мейербера. В этой фуге каждая нота была основана на логической последовательности и объяснена теоретическими правилами.

Бедный Вебер впал в немалое уныние. Мейербер же, напротив, еще с большим рвением принялся за изучение теории: завладев драгоценной рукописью, проливавшей новый свет на его познания, он стал тщательно, нота за нотой, изучать ее и изучал до тех пор, пока не был в состоянии написать фугу по всем правилам, изложенным аббатом Фоглером, которому послал опять свое новое произведение.

На этот раз ответ не замедлил прийти. «Приезжайте ко мне, – писал ему Фоглер, – я приму вас, как сына, и помогу вам почерпнуть познания из самых источников науки». Это было истинным торжеством для Мейербера, и он всей душой устремился в Дармштадт.

Родители его были настолько лишены религиозных и других предрассудков, что не оставались перед мыслью послать своего сына в католическую школу и поручить его дальнейшее воспитание католическому патеру. Видя страстное желание сына, они согласились на его неотступные просьбы. Молодого человека снарядили в дорогу; следуя моде того времени, он приобрел себе изящный альбом, в который его учителя, друзья и многие из выдающихся людей, его знакомых, вписали напутствия и пожелания самого трогательного содержания. В 1810 году Мейербер очутился в Дармштадте. Школа аббата Фоглера пользовалась в то время громкой известностью, в нее со всех концов Германии стекались многочисленные ученики. Мейербер действительно был принят, как сын, и благодаря своему состоянию имел возможность поселиться у самого аббата. В одно время с Мейербером в школе находились Карл Мария Вебер, будущий бессмертный творец «Фрейшютца», и Генсбакер (позднее капельмейстер церкви св. Стефана в Вене); между талантливыми юношами завязалась вскоре самая тесная дружба, которая продолжалась неизменно всю жизнь. Вебер, кроме музыкального таланта, обладал еще крупным поэтическим дарованием, и, не будь он музыкантом, он был бы, наверное, выдающимся поэтом. Он сочинил слова ко дню рождения Фоглера, на которые все три друга сообща написали музыку. Изящный, благовоспитанный Мейербер не сразу привык к шумной, необузданной толпе своих товарищей, среди которых находились юноши всех сословий, религий и состояний; но мало-помалу он втянулся в эту пеструю, беспокойную жизнь, сблизился с товарищами, которых охотно угощал вкусными лакомствами, присылаемыми ему родителями, и снабжал книгами из своей богатой библиотеки.

Школьный день начинался постоянно обедней, которую служил сам аббат при содействии Вебера. После этого он раздавал своим ученикам задачи, состоявшие обыкновенно из церков-

ных тем на *Kyrie eleison*¹, *Sanctus*² и так далее; эти задачи должны были быть исполнены в течение дня. Часы отдыха посвящались дружеским беседам или веселым прогулкам по окрестностям Дармштадта. В воскресенье и в праздники после обедни вся компания направлялась в собор, где два органа предоставлялись в их полное распоряжение. За один из них садился Фоглер и предлагал мотивы, которые ученики его по очереди развивали за другим органом; тут они могли давать полную волю своей фантазии, своему молодому вдохновению, и между ними происходили настоящие музыкальные состязания. Из-под пальцев гениальных учеников лились такие богатства, что, по выражению Крейцера, глаза слепило от чрезмерного блеска. «Когда эти блестящие импровизаторы, – говорит он дальше, – без правил, предаваясь лишь пылу своего вдохновения, гнались за неизвестным, скрещая ритмы, планы, модуляции по своему произволу, то добрый учитель останавливался пораженный: он не узнавал более своих послушных учеников; он не сердился, но становился грустным. Быть может, гордость его страдала. Эта смелость открывала ему источники вдохновения, из которых ему не дано было черпать. Он сознавал, что прошел лишь половину дороги и что должен остановиться на той ступени, с которой для его даровитых учеников открывался блестящий и цветущий путь».

Через два года Мейербер знал не хуже самого учителя все правила контрапункта и фуги. В это же время Фоглер, закрыв свою школу, предпринял со своими учениками путешествие по главным городам Германии. Этим завершается школьное образование Мейербера. Со школьной скамьи он переносит свое творчество на эстраду; критика учителя сменяется критикой публики; он вступает на путь, усыпанный лаврами, среди которых скрыто немало колючих терний.

¹ «Господи, помилуй» (лат.)

² «Свят» (лат.)

Глава II. Юношеские произведения

Юношеские произведения. – Кантата «Бог и природа». – «Клятва Иевфая». – «Али-мелек». – Концерты Мейербера. – Встреча с Бетховеном. – Причина неуспеха его первых опер. – Совет Сальери. – Первое посещение Парижа.

Преодолев все трудности контрапункта и фуги, посвященный во все таинства искусства композиции, молодой Мейербер не замедлил применить к делу свои блестящие познания. Уже с первых шагов он обнаружил серьезное направление своего творчества, свою любовь к звуковым массам, к сюжетам, исполненным драматизма. Оперы были любимым родом его творчества, и хотя характеру последнего суждено было в будущем не только измениться, но совершенно переродиться, тем не менее опера осталась той сферой, в которой гений Мейербера проявлялся с наибольшей силой и яркостью. Первой попыткой его на этом поприще была опера «Процесс», написанная еще в школе совместно с другими учениками Фоглера. Первенцем молодой музы Мейербера стала кантата «Бог и природа», написанная в 1811 году в короткий срок, с 15 марта по 22 апреля. Содержание ее состоит в восхвалении Бога и выражении Ему благодарности за создание вселенной. Эта кантата, выдержанная в самом строгом стиле, демонстрирующая необыкновенное, мастерское владение формой и разнородными приемами письма, могла бы служить ярким опровержением мнения тех противников Мейербера, которые отрицали серьезное направление его творчества и приписывали ему лишь одну погоню за внешними эффектами. К сожалению, это произведение не известно публике; оно не напечатано, и единственный экземпляр его Мейербер тщательно прятал от посторонних глаз, показывая его только ближайшим друзьям, в преданности которых он был уверен. Узкие рамки строжайшей формы, в которые Мейербер заключил свой молодой гений в этой кантате, стеснили свободу его творчества, поэтому мелодии ее сухи, неоригинальны и бледны; в них не видно тех смелых штрихов, тех ярких красок, которыми блещут последующие произведения этого великого художника. Но уже и здесь обнаруживается его необыкновенная способность к драматической характеристике, к музыкальной иллюстрации драматических положений. «Появление света, постепенное зарождение жизни в природе, нежную гармонию цветов, вообще всю поэзию природы он передал особенно удачно. Величаво-торжественно бушуют могучие волны моря и раздаются грозные удары грома в его музыке. Очень ярко также передана сцена воскресения мертвых».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.